

An excerpt from the paper by Peter Holquist

Питер Холквист
Корнелльский университет

ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА НАСЕЛЕНИЯ: РОССИЙСКАЯ КАТАСТРОФА (1914-1921) В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Мировая война формально закончилась с заключением перемирия....Однако на самом деле все, что мы пережили и переживаем с тех пор, есть продолжение и видоизменение мировой войны.

Петр Струве, Ноябрь 1919 г.¹

Возможно, важнейшим отличительным признаком этой великой катастрофы следует признать то, что в ней гений войны объединился с духом социального прогресса. Эта особенность проявилась не только в сражениях между разными странами; она проявилась и в гражданской войне, пожавшей богатый второй урожай на полях многих из них. Оба события – мировая война и мировая революция – связаны между собой гораздо сильнее, нежели можно предположить на первый взгляд. Они – две стороны одного и того же явления вселенского масштаба, чье начало и чьи причины тысячами нитей связаны между собой.

Эрнст Юнгер, «Тотальная мобилизация» (1930)²

Как показала настоящая конференция, первая мировая война – это ключ к пониманию российской истории двадцатого века. В течение многих лет большинство исследователей, и на Западе, и в Советском Союзе просто включали ее в тему революции в качестве приложения. Между тем, как явствует из цитаты Петра Струве, события 1917-1921 годов можно рассматривать и как прямое следствие войны. Мысль Струве подсказывает нам, что, вместо того, чтобы разбивать события этого периода на два отдельных этапа – войны (1914-1917) и революции (1917-1921), можно говорить об одном и том же процессе «всероссийского потопа» периода 1914-1921 годов, или, как сказал кто-то, второго смутного времени³. Однако и эта хронология, и признаки, по которым мы ее определяем, не означает, что Россию следует рассматривать в отрыве от остальной Европы. Наоборот, в связи с тем, что динамичная связь между общенациональной мобилизацией и тотальной войной считается «транснациональным или наднациональным явлением»⁴, «долгий» военный опыт России может оказаться полезным и для анализа событий в Европе. Дело в том, что, если, в историографии России революция 1917 года часто затеняла собой события войны, то для большинства историографов европейских стран, наоборот, война затмила и революционное брожение, и гражданские войны, в которые это брожение вылилось после того, как приемы ведения внешней войны, шлифовавшиеся в течение предшествующих четырех лет, были перенесены во внутренние конфликты. С этой точки зрения, Гражданскую войну в России можно рассматривать только, как самый законченный образец наиболее протяженной «европейской гражданской войны», охватывающей и период Великой войны, и значительный отрезок времени после нее⁵.

Однако больший акцент на первую мировую войну имеет и свои недостатки. Рассматривая революцию в контексте Великой войны, не следует подменять один переломный момент (1917 г.) другим (1914 г.). Такая хронология чревата двумя опасными последствиями. Во-первых, антропоморфизируя войну, т.е. рассматривая ее как фактор активного изменения или искаżenia общества, мы упускаем из виду то, что «социальная организация насилия, сделавшая тотальную войну возможной, начала формироваться уже с конца девятнадцатого века»⁶. В частности, начало государственным методам тотальной войны и массового уничтожения людей положил колониализм⁷. Настоящая статья посвящена проблеме «политики населения», которая формировалась в течение нескольких десятков лет непосредственно перед

⁶ О социальной организации насилия см. в: Elisabeth Domansky, “Militarization and Reproduction in World War One Germany” in Geoff Eley (ed.), Society, Culture and State in Germany, 1870-1930 (Ann Arbor), p. 430.

⁷ Моя коллега Изабель Халл занимается исследованием этой проблемы на примере Германии. О колониализме как предтече массового насилия двадцатого века см. в: Hanna Arendt, Origins of Totalitarianism (New York, 1976) и Sven Lindquist, “Exterminate All the Brutes!” (New York, 1996).

войной 1914 года и послужила важнейшей предпосылкой реализации государственных мероприятий военного времени, направленных против целых слоев собственного населения, особенно массовых депортаций. Во-вторых, отказавшись от антропоморфизации войны в смысле ее воздействия на общество, можно показать, что «на самом деле не столько война или «милитаризация» организует общество, сколько само общество организует себя через войну и во имя войны ....; милитаризация порождается самим гражданским обществом, а не навязывается ему извне»⁸. Хотя государственное управление ресурсами (материальными, равно как и людскими) - один из ключевых компонентов тотальной войны, не менее важным фактором является и само-мобилизация гражданского общества на достижение конечных целей тотальной войны. Тотальная война стала свидетелем возникновения особого гибрида - «парагосударственного комплекса», которому удалось добиться широкого и добровольного участия общества в ведении войны⁹. Действительно, тотальная война была самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами – факт, который признавали и сами современники. Струве, например, отметил, что сам способ ведения войны породил «особую демократическую идеологию»¹⁰. Отстаивая тезис о самомобилизации общества, мобилизации его воображения и энтузиазма, настоящая статья анализирует также деятельность органов «осведомления», задача которых состояла в изучении настроений народа с тем, чтобы более эффективно мобилизовать его на войну с помощью различных просветительных мероприятий.

I. Политика населения: ее прецеденты в режимах колониального управления и практика тотальной войны

Разумеется, государства и прежде оказывали влияние на своих подданных. Но девятнадцатый век отмечен неуклонным ростом сознательного интереса к «населению» как объекту государственной политики, выражением которого стала концепция «политики населения» (от немецкого Bevölkerungspolitik). Термин «политика населения» был впервые предложен камералистами, которые рассматривали население в качестве одного из видов экономических ресурсов. Однако, в течение девятнадцатого века, с возникновением понятия «социальное» как сферы государственного вмешательства¹¹, «политика населения» стала иметь более широкое толкование, и в 1909 году одна российская энциклопедия уже определяет «политику населения» как науку, «которая занимается решением задач, вытекающих для общественной жизни из [статистических] фактов и их закономерности, и в особенности относящихся к задачам государственного вмешательства в эту область»¹².

Формированию взгляда на население как «область для государственного вмешательства» во многом способствовала *военная статистика*. Военная статистика разрабатывалась в середине девятнадцатого века чиновниками-реформаторами по образцу аналогичных исследований, проводившихся в Европе¹³. За несколько десятилетий не прекращавшихся исследований на местах и в масштабе всей империи военная статистика превратила прежде аморфное слово *народ* в строго определяемое понятие *население*. Другим, не менее значимым событием, было то, что военная статистика начала официально фиксировать *народность* или *племя* подданных империи (это самое раннее официальное упоминание об этой категории, которое мне удалось обнаружить). К концу девятнадцатого века военные статистики начинают все чаще выражать беспокойство по поводу «племенного состава» империи, а также высказываться о предпочтительности его однородности. В своем учебнике 1885 года для Академии Генерального штаба Золотарев рассуждает о преимуществах населения Московского военного округа и округа Иль-де-Франс, с точки зрения его однородности и благонадежности, по сравнению с населением российского Кавказа или британской Индии. Последними Золотарев особенно недоволен не только ввиду их неоднородности, но и в связи с их нехристианским и неевропейским составом¹⁴. Чем больше военные статистики делят население империи на составные элементы, тем они чаще приписывают им те или иные качественные характеристики

⁸ Michael Geyer, “Militarization of Europe, 1914-1945” in John Gillis (ed.) The Militarization of the Western World (New Brunswick, N.J., 1989), pp. 79-80, 75.

⁹ Horne, “Introduction”; Michael Geyer, “The Stigma of Violence, Nationalism and War in Twentieth Century Germany”, German Studies Review, special issue (1992): 75-110, о «парагосударственном комплексе» см. р. 85.

¹⁰ «Размышления», с. 11. См. также: Horne, “Introduction”, p. 4; Michael Geyer, “German Strategy in the Age of Machine Warfare” in Peter Paret (ed.), Makers of Modern Strategy (Princeton, 1986), p. 529.

(не удивительно, что у русских такими качествами оказываются патриотизм и благонадежность, а у евреев и поляков – непатриотичность и эгоизм).¹⁵

И эти исследования не были чисто теоретическими упражнениями. Военная статистика была прикладной наукой в самом прямом смысле этого слова. Во-первых, при Милитине, она стала занимать очень важное место в программе Академии Генерального штаба: ровно четверть всего учебного времени слушателей уходило на военную географию и статистику¹⁶. Офицеры-выпускники Академии Генерального штаба, в головы которых была основательно вбита военная статистика, занимали в последствии ключевые посты в военной и гражданской администрации и руководили войсками, как в операциях по «умиротворению» внутри страны, так и в военных кампаниях против ее внешних врагов. (Офицеры же Генерального штаба были одновременно и авторами большинства работ по военной статистике на местах). Во-вторых, те, кто собирали данные для военной статистики, были зачастую и исследователями-этнографами, и в этом качестве, с одной стороны, использовали материалы военной статистики, а с другой – пополняли ее этнографическими сведениями. Так военная статистика превратилась в смесь официальных статистических данных, научных работ, и учебной литературы¹⁷. При этом часто оказывалось, что ученые-этнографы и чиновники (как гражданские, так и военные) это одни и те же люди. И подобному тому, как английская колониальная администрация способствовала укреплению расовых и кастовых различий в Индии, в России именно «административные различия, введенные царским режимом, способствовали подъему этнического самосознания».¹⁸ И, наконец, военная статистика была тесно связана с колониальной экспанссией и колониальной администрацией. Многие из высших чинов колониальных администраций сами были военными – офицерами Генерального штаба (например, Куропаткин, Черняев, Скобелев, К.Р. Каuffman), поэтому статистические и географические исследования занимали важное место в их колониальной политике¹⁹. В значительной степени то, что было известно правительству империи о его собственных подданных, т.е. их численности, местах проживания, и даже состоянии здоровья, оно узнавало из военной статистики²⁰.

Перед военной статистикой никогда не ставилась чисто описательная задача. Она всегда предлагала пути решения описываемых проблем. В России так же, как и в Западной Европе, введение более широкой социальной классификации людей подтолкнуло государство к разработке мер воздействия на них (достаточно вспомнить определение *политики населения из энциклопедии 1909 года*). До первой мировой войны эта технология массового воздействия на население применялась в основном в районах колонизации и в приграничье (*у черты оседлости*). Во время первой мировой войны (и, в еще большей степени, во время войны гражданской) отработанные в этих регионах приемы будут перенесены на все политическое пространство бывшей империи.

На примере Туркестана можно проследить, как военная статистика применялась в процессе колонизации Средней Азии, и как ее применение совпало с первой мировой войной во время туркестанского восстания 1916 года. В Средней Азии, как и повсюду на территории империи, чиновники разделили население на составные «элементы». Предметом особой озабоченности и государственных чиновников, и журналистов было отсутствие надежного русско-православного «элемента» и неоднородность состава населения. Стремясь заполнить этот пробел, очень многие сходились во мнении, что необходимо повысить соотношение «русского элемента» в регионе путем последовательной политики колонизации. Не удивительно, что труды по военной статистике того времени дружно сетуют на неоднородность местного населения и нехватку надежного русского элемента²¹. Одна работа сухо констатирует: «нельзя назвать [состав населения] благоприятным, так как русский элемент составляет менее 50% инородческого... необходимо признать состав [населения], с военной точки зрения, неблагоприятным». Но эта работа не ограничивается простой констатацией факта. Она делает вывод о том, что «вопрос о колонизации Семиреченской области русским элементом весьма важен в военном отношении», и что государство должно стремиться «к усилению колонизации края русской народностью, хотя бы и в ущерб туземным инородцам»²². Подобные взгляды распространились весьма широко и за пределами высоких кабинетов империи. Туркестанский том в сборнике Семенова Тян-Шанского «Полное описание нашего отечества» полностью разделяет концептуальные категории военной статистики²³. И это, пожалуй, не удивительно, если учесть, что библиография издания изобилует трудами по военной статистике. В этом якобы «описании» Туркестана легко просматривается программа государственного манипулирования с составом населения региона: в ней говорится о необходимости «усиления русского элемента» с помощью скоординированной политики колонизации. Что империя и сделала. Правительство выделило средства на изучение вопроса о том, как наилучшим образом направить «русский элемент» в эти районы, и в 1905 году создало район поселений в

Семиречье²⁴. Ведавшие колонизацией чиновники - «фанатики», которые часто не ладили с местной администрацией, «намеревались затопить страну эмигрантами.... Наконец-то [они] оказались в стране, которая, казалось, открывала неограниченные возможности для претворения в жизнь их идей». И когда им нужно было рассчитать требуемую плотность вновь прибывшего населения, они просто протягивали руку за картой, подготовленной офицерами Генерального штаба²⁵.

В рамках новой, более широкой сферы применения политики населения военные статистики не ограничивались советами по «положительному» решению проблемы Средней Азии, в частности, ее колонизации. Они считали, что, наряду с колонизацией, может возникнуть необходимость в выселении нежелательных или ненадежных групп. Во втором томе военно-статистического описания Семиречья 1910 года содержатся рекомендации на случай непредвиденных обстоятельств военного характера, и в частности описываются «свойства района при народном восстании»²⁶. С большой прозорливостью этот труд предсказывает, что «... отвлечение же этих частей для борьбы с внешним противником может ... дать мятежу распространиться на значительные пространства». В этом случае российских военных предупреждают о возможности партизанской войны со стороны инсургентов и советуют брать в заложники семьи инсургентов и захватывать скот. Взятие заложников позволит отделить более умеренные «элементы» от непримиримых врагов и «заставит более умеренные элементы (sic!) населения вернуться к мирному образу жизни; оставшиеся же шайки беспокойного элемента придется истреблять или изгонять за границу».

Именно по этим предвоенным инструкциям действовали российские войска при подавлении восстания 1916 года, которое вспыхнуло в ответ на попытку правительства применить в регионе методы тотальной мобилизации²⁷. Свирепость подавления этого восстания не была, таким образом, просто реакцией на само восстание или проявлением этнической нетерпимости; это был результат разработанных за многие годы до этого идей и концепций макро-стратегии политики населения и микро-тактики репрессий, призванных наилучшим образом обеспечить достижение ее целей. Российское командование широко использовало карательные отряды, которые действовали на территории всей империи в 1905-1907 годы, и которым суждено было стать неотъемлемым элементом всех армий в период Гражданской войны в России. Военное руководство не оставило этим подразделения никаких сомнений относительно того, как им нужно действовать. Военный губернатор Семиречья так инструктировал своих подчиненных: «Одной из первых возмутилась ... Ботпаевская волость. Хорунжий Александров с сотней 10 августа... настиг волость, 3 аула поголовно истребил, стойбища сжег, скот угнал; 12-го ботпаевцы изъявили покорность и выдали заложников.... Сообщается как образец действий, руководимых лично мною». Такое поведение не было ни проявлением личной жестокости, ни превышением полномочий, так как соответствовало официальной политике. Летучие отряды – небольшие сборные пехотно-кавалерийские подразделения, вооруженные пулеметами, получили приказ «для уничтожения киргизов и подавления восстания ... загонять киргизов в горы и там уже уничтожать их»²⁸. Помощник туркестанского генерал-губернатора докладывал, что карательные «отряды истребляли планомерно и систематично женщин и детей»²⁹. В результате этих действий к январю 1917 года численность коренного населения Семиречья упала на 20 процентов, а, в некоторых районах, на 66 процентов³⁰.

Таким образом, эти меры нельзя рассматривать лишь как конкретно спланированную военную операцию. Власти империи стремились не только восстановить порядок в мятежных регионах, но, вслед за этим, и окончательно в них утвердиться. 16 октября военный губернатор Туркестана Куропаткин провел совещание по разработке планов удаления киргизов из некоторых районов Семиречья и замене их русскими переселенцами для того, чтобы образовать районы с «чисто русским населением». В восставших районах, предназначенных к депортации (используя восстание как предлог), вместо простого выселения из них киргизов и поселения русских, он изменял административные границы таким образом, чтобы «создать обособленную от киргизов территорию с русским населением не только в границах этнографических, но и географических». В своем последнем докладе Николаю II (составленном 22 февраля 1917 года) Куропаткин сообщает, что эти планы уже выполнены и направлены военному министру для конфискации туземных земель в Семиречье «в целях укрепления русского элемента в Туркестанском крае» и создания однородных «чисто русских районов»³¹. Казалось, что долгосрочная программа укрепления этого региона с помощью политики населения – программа, которую поддерживала не только военная статистика, но и современная публицистика – будет вот-вот реализована. (Не зря ведь военно-статистические исследования 1910 года пришли к заключению, что интенсивная колонизация русскими должна проводиться

«хотя бы и в ущерб местным инородцам»). И только «революция 1917 года не позволила осуществить предложения генерал-губернатора о выселении всех киргизов с огромных территорий долины Чу и земель вокруг Иссык-Куля, которым предстояло стать «чисто русскими»³².

Эта форма политики населения, отшлифованная в колониальных районах, широко применялась в Европе воюющими державами в период первой мировой войны (см. ниже). С этой точки зрения, военную политику России по отношению к собственным западным приграничным территориям также нельзя рассматривать просто как военную необходимость или проявление глубоко укоренившейся ксенофобии и антисемитизма (хотя это тоже, без сомнения, имело место). Это была попытка применения на практике теории политики населения, разработанной ранее. Выше уже отмечалось, что, начиная с 80х годов 19 века, военная статистика все чаще приписывала отличительные характеристики различным «элементам», из которых якобы состояло население, для того, чтобы подчеркнуть необходимость этнической однородности (по умолчанию, *русской* однородности). В своем учебнике по военной статистике для Академии Генерального штаба 1885 года Золотарев заявил, что население России в целом может быть признано благонадежным. Но «этого далеко нельзя сказать, если начать рассматривать расселение различных племен по территории нашего отечества и степень надежности жителей наших окраин... Чем же дальше к окраинам, тем населенность уменьшается, население же, делаясь более и более разнородным, становится менее и менее надежным»³³. Во втором томе, приступив к описанию западного приграничья, Золотарев не оставляет сомнений относительно того, какие именно элементы следует считать ненадежными: это евреи, немцы и поляки³⁴. Этот тезис Золотарев повторяет еще раз в учебнике 1903 года для юнкерских училищ³⁵.

Труды Золотарева наделяют все «элементы» особыми качественными признаками и, кроме того, точно указывают места скопления «ненадежных» групп. Ибо военная статистика не просто описывала «население». Она также предлагала решение выявленных «проблем». Так, полковник Генерального штаба Комаров, давая положительную оценку населению в районах вокруг Москвы, Владимира и Нижнего Новгорода (читай: там проживали в основном русские православного вероисповедания), отмечает один недостаток: концентрацию евреев в Москве. Тем не менее, пишет он, еврейское население «благодаря принятым административным мерам, значительно сократилось против прежнего, и продолжает еще уменьшаться». «Административные меры», о которых так одобрительно отзывается Комаров, состояли в том, что в 1891 году около 20 тысяч евреев были выселены из Москвы³⁶.

Как показывает эта операция по выселению, военная статистика руководствовалась более далекими целями, чем простой академический интерес. Как заметил один исследователь по поводу Германии, «культура (и культ) сайентизма конца 19 века создали дискурсивные рамки» для попыток по трансформации общества, предпринятых во время войны³⁷. Не первая мировая война породила эти планы. Возможность подобных «решений» была подсказана военной статистикой (и российской колониальной политикой) задолго до войны. Но тотальная война явилась контекстом, в котором эти приемы стали неотъемлемой частью государственной политики. В этой ситуации призыв к поиску сайентистских решений слился с этосом насилия³⁸.

В России, насильственная массовая депортация этнических меньшинств с западных приграничных земель явилась воплощением в реальную политику того, что военная статистика говорила о населении этих областей в течение нескольких десятилетий³⁹. Один исследователь недавно подсчитал, что в царской России было депортировано миллион гражданских лиц, в том числе 500 000 евреев и 300 000 немецких колонистов⁴⁰. Эти люди были депортированы (именно как «ненадежный элемент») во «внутренние районы», где их держали под строгим надзором⁴¹. (Это, естественно, породило новую проблему: «ненадежный элемент» угрожал загрязнить прежде однородные и надежные внутренние губернии. В 1915 году М.Д. Бонч-Бруевич напишет Янушкевичу, что «чисто русские губернии совершенно испорчены враждебными нам элементами, и, следовательно, сам собою встает вопрос о необходимости точной регистрации всех депортированных вражеских подданных для того, чтобы по окончании войны ликвидировать весь враждебный элемент без следа»)⁴². Российские военные распространили эту форму политики населения и на те территории, которые перешли под их контроль в самом начале войны. И на оккупированных территориях, так же, как и во внутренних областях России, именно военная статистика определяла коллективные цели для проведения государственной политики⁴³. Эту политику нельзя отнести на счет жестокости войны или неожиданно затяжного характера боевых действий: ведь это происходило в первые дни войны. Не была она и последствием особого характера войны, или результатом традиционной ксенофобии или

антисемитизма. Эта политика явилась продуктом нового взгляда на население и на возможные способы воздействия на него.

¹ «Размышления о русской революции», Русская мысль (София), кн. 1-2 (1921) : 6 (Текст лекции, прочитанной Струве в 1919 году в Ростове-на-Дону).

² См. в: Richard Wolin (ed.), *The Heidegger Controversy* (New York, 1991).

³ Lars Lih, *Bread and Authority in Russia, 1914-1921* (Berkeley, 1990). См. также: E. Acton, V. Cherniaev and W. Rosenberg, *Critical Companion to the Russian Revolution, 1914-1921* (Bloomington, 1997).

⁴ John Horne, “Introduction: Mobilizing for Total War” in Horne (ed.), *State, Society and Mobilization in Europe during the First World War* (Cambridge, 1999), p. 1. Более общую информацию см. в: Modris Eksteins, *Rites of Spring: the Great War and the Birth of the Modern Age* (New York, 1989).

⁵ О Первой мировой войне как «европейской гражданской войне» (Франк Марк, 1914) см. в: Eksteins, *Rites of Spring*, pp. 94, 185; мысль о том, что период 1918-1933 годов в Германии представлял собой «латентную гражданскую войну», см. в: Richard Bessel, *Germany after the First World War* (Oxford, 1993), p. 262; о «всеобщей центрально-европейской гражданской войне в первые послевоенные годы» см. в: Istvan Deak, «The Habsburg Empire» in Mark von Hagen and Karen Barkey, *After Empire* (New York, 1997).

¹¹ Это краткое изложение рассуждений Холквиста в работе “To Remove and to Exterminate Totally: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia” в Terry Martin and Ron Suny (eds.), *Empire and Nation in the USSR* (готовится к публикации). О термине «политика населения» в трудах камералистов см.: Mark Raeff, *The Well-Ordered Police State* (New Haven, 1983); о расширении понятия «социальное» см. в: Jacques Donzelot, *The Policing of Families* (New York, 1979) and Mary Poovey, *Making a Social Body* (Chicago, 1995); о Bevölkerungspolitik в Германии времен Первой мировой войны см. в: Paul Weindling, *Health, Race and German Politics* (Cambridge, 1989), chs. 4-5. О России см. в: Alain Blum, “Oublier l’etat pour comprendre la Russie (XIX-XXe siecles)?” *Revue des Etudes slaves* 66:1 (1994), особенно стр. 140-141.

¹² См. «Население» в: «Большая энциклопедия Южакова» (Санкт-Петербург, 1909); см. также М.В. Птуха, «Очерки государственной статистики населения и моральной» (Петроград, 1916 г.), а также ЦСУ, «Программы для статистических курсов районных и губернских» (Москва, 1920, с. 9-11).

¹³ См. Holquist, “To Remove...”. Основные положения этой дисциплины смотрите в следующих работах: Д.А. Милютин, «Критическое исследование значения военной географии и статистики» (1845, reprint в «Русском геополитическом сборнике» 2 (1997), с. 39-48; Д.А. Милютин, «Первые опыты военной статистики» в 2-х томах, Санкт-Петербург, 1847-48; А. Макшеев, «Военно-статистическое обозрение Российской империи», Санкт-Петербург, 1867; Н.Н. Обручев, «Военно-статистический сборник» в 4-х томах, Санкт-Петербург, 1871; А.М. Золтарев, «Записки военной статистики» в 2-х томах, Санкт-Петербург, 1885. См. также: «Исторический очерк деятельности военного управления в России, 1855-1880 в 4-х томах, Санкт-Петербург, 1880), 4: с. 108-112; и А.Н. Пыпин, «История русской этнографии» в 4-х томах, Санкт-Петербург, 1892, 2: с. 305-309, 4: с. 79-80.

¹⁴ Золтарев, «Записки военной статистики», 1: с. 120; сравн. также внимание, которое уделяет однородности Макшеев («Военно-статистическое обозрение», с. 11, 94, 98). Гораздо больше примеров можно найти в общих и местных исследованиях.

¹⁵ См., например, Золтарев, «Записки военной статистики», 2: с. 31, 92, 163, 275; см. также: Ан. Антонович, «Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью», «Военный сборник № 11, 1909: с. 241-274; Н. Козловский, «Об отношении народностей России к исполнению воинской повинности», «Военный сборник», №1-3 (1915).

¹⁶ Н.А. Машкин, «Высшая военная школа Российской империи», Москва, 19997, с. 252-232.

¹⁷ Среди наиболее известных русских этнографов, вышедших из военной статистики, можно назвать А.Ф. Риттиха, М.И. Венюкова, и П. Бобровского. Макшеев, кроме своего учебника по военной статистике, также издал несколько статей в трудах Императорского географического общества.

¹⁸ Austin Jersild, “Ethnic Modernity and the Russian Empire: Russian Ethnographers and Caucasian Mountaineers”, *Nationalities Papers*, 24:4 (1996): с. 641-648, особенно 643, 645; Daniel Brower, “Islam and Ethnicity: Russian Colonial Policy in Turkestan” in Brower and Edward Lazzerini (eds.), *Russia’s Orient*, (Bloomington, 1997). О британской Индии см. в: Nicholas Dirks, “Castes of Mind”, *Representations* 37 (1992): 56-78; и Pradeep Barua, “Inventing Race: the British and India’s Marital Races”, *The Historian* 58:1 (1995): 107-116.

-
- ¹⁹ Машкин, «Высшая военная школа...», с. 268-269; Brower, “Islam and Ethnicity...”, esp. Pp. 122-124.
- ²⁰ Например: М.И. Венюков, «Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россиею и Индию», «Сборник государственных знаний» 5, 1878, с. 58-106; Капитан Тихонов, «Военное обозрение восточной полосы семиреченской области», Санкт-Петербург, 1883; А. Макшеев, «Исторический обзор Туркестана и наступательного движения на него русских», Санкт-Петербург, 1890, в котором есть ссылки на Венюкова как на большой авторитет; Капитан Гиршфельд, «Военно-статистическое описание Хивинского оазиса», Ташкент, 1902; А.М. Золотарев, «Военно-географический очерк окраин России: курс военных и юнкерских училищ», Санкт-Петербург, 1903; Полковник Федоров, «Военно-статистическое описание туркестанского военного округа: чжунгарско-семиреченской приграничный район» в 2-х томах, Ташкент, 1910; Полковник князь Стокасимов, «Военно-статистическое описание туркестанского военного округа: ферганский район», Ташкент, 1912, особенно с. 75.
- ²¹ Золотарев, «Военно-географический очерк окраин России», с. 176-177; Федоров, «Чжунгарско-семиреченской приграничный район»; Стокасимов, «Ферганский район», с. 113-114.
- ²² Федоров, «Чжунгарско-семиреченской приграничный район», ч. 1, с. 98, 76, 163; ч. 2, с. 32.
- ²³ «Туркестанский край», ред. князя В.И. Масальского, Санкт-Петербург, 1913 г. (= том 19 сборника «Полное описание нашего отечества», ред. В.П. Семенов Тян-Шанский); см. об «усилении русского элемента» с. 322-323, 358, 365. В библиографию тома включен и труд Золотарева «Военно-географический очерк окраин...» 1903 года.
- ²⁴ А.А. Кауфман, «К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: отчет члена ученого комитета М-ва З. и Г.И. Кауфмана по командировке летом 1903 г.», Санкт-Петербург, 1903. Кауфман, естественно, был одним из самых выдающихся статистиков России.
- ²⁵ Граф К.К. Пален, «Миссия в Туркестан» (ред.) Richard Pierce (London, 1964), с. 196, 191; об увлечении чиновников колонизационных властей военной статистикой см. также С. 181, 189.
- ²⁶ Федоров, «Чжунгарско-семиреченской приграничный район», ч. 2, с. 28-29.
- ²⁷ О восстании см. в: Dan Brower, “Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916”, *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas* 44:1 (1996): 41-53; Edward Sokol, *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia* (Baltimore, 1954); Richard Pierce, *Russian Central Asia , 1867-1917* (Berkeley, 1960). О подавлении восстания см. в: К. Усенбаев, «Восстание 1916 года в Киргизии», Фрунзе, 1967, и Г. Сапаргалиев, «Карательная политика царизма в Казахстане», Алма-Ата, 1966.
- ²⁸ «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», ред. А.В. Пясковский и др., Москва, 1960, с. 661-663, 668; см. также с. 673. 662, 675. Об эффективности применения пулеметов в горных проходах см.: Стокасимов, «Ферганский район», с. 73.
- ²⁹ Усенбаев, «Восстание 1916 года в Киргизии», с. 222.
- ³⁰ Pierce, *Russian Central Asia*, p. 293; см. также Marco Buttino, ‘Study of the Economic Crisis and Depopulation of Turkestan’, *Central Asia Studies* 9:4 (1990): 59-74.
- ³¹ «Восстание 1916 года ...», с. 676-677, 684-687, 99-100.
- ³² Dan Brower, “Kyrgyz Nomads...”, p. 52.
- ³³ Золотарев, «Записки военной статистики», ч. 1, с. 133-134, 137.
- ³⁴ Золотарев, «Записки военной статистики», ч. 2, с. 31, 92, 163, 275.
- ³⁵ Золотарев, «Военно-географический очерк окраин России», с. 6, 18, 24-26, 39, 48, 51-52, 55, 57, 63-64, 68, 74.
- ³⁶ Полковник Генерального штаба Комаров, «Военно-статистическое описание московской, владимирской и нижегородской губерний (район 15-й местной бригады)», Москва, 1895, с. 81-82; Hans Rogger, *Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia* (Berkeley, 1986, p. 69.
- ³⁷ Domansky, “Militarization and Reproduction”, p. 463; см. также: Eksteins, *Rites of Spring*, pp. 70-73.
- ³⁸ О роли первой мировой войны в развитии этоса насилия см. в: Максим Горький, «Несвоевременные мысли», New Haven, 1995, с. 9-12, 76-77, 128-130, 185, 195-199 (1917-1918); Leon Trotsky, *Terrorism and Communism* ([1920]; Ann Arbor, 1961), pp. 65-68; Roger Pethybridge, *The Social Prelude to Stalinism* (New York, 1974), ch. 3; Stefan Plaggenborg, “Weltkrieg, Burgerkrieg, Klassenkrieg”, *Historische Anthropologie* 3:3 (1995): 493-505.
- ³⁹ О депортации населения см. в: диссертации Эрика Лора (Eric Lohr), которая вскоре будет представлена к защите в Гарвардском университете, а также его доклад на конференции AAASS в Сиэтле (ноябрь 1997 г.) «Deportation, Nationality and Citizenship: Enemy Aliens within Russia during World War I»; С.Г. Нелипович, «Репрессии против подданных «центральных держав»:

депортации в России», *Военно-исторический журнал № 6* (1996): с. 42-52; Mark von Hagen, “The Great War and the Emergence of Modern Ukraine” in Richard Barnett, *Empires, Nations, Regions: Political Order and Change in the Former Soviet Space* (forthcoming).

⁴⁰ Lohr, “Deportation”, p. 1.

⁴¹ Об усиленном надзоре за депортированными см. в: Ю.П. Хранилов, «Что им за дело до чужих писем, когда брюхо сыто»: военная цензура Вятской губернии в борьбе за победу над германцами», *Военно-исторический журнал № 2*, 1997, с. 22-29.

⁴² Цитирую по: Lohr, “Deportations”, p. 11.

⁴³ В.Н. Савченко, «Восточная Галиция в 1914-1915 годах (этносоциальные особенности и проблема присоединения к России», Вопросы истории, № 11-12, 1996, с. 95-106 (особенно о роли военной статистики); Mark von Hagen, “Great War”.